

ВСЕГО ДОРОЖЕ

* К 50-летию Свердловского академического театра драмы

Недавно группе творческих работников Свердловского академического театра драмы присвоено почетное звание народных артистов РСФСР. Среди них и актриса Елена Сергеевна Захарова.

СТРОКИ Указа невольно заставили вспомнить об одном волнующем событии: зрители, товарищи по искусству торжественно отмечали двадцатипятилетие сценической деятельности Захаровой в Свердловском драмтеатре. А она слушала, раскрасневшаяся, со слезами на глазах и, казалось, не верила, что все эти высокие, восторженные отзывы — про нее, сделавшую куда меньше того, что могла бы, что так хотелось и хочется сделать...

Когда чествование совсем уже приблизилось к концу, «виновнику» праздника вручили коллеги. Они не произносили длинных речей — просто преподнесли ей на память подарок, дорожку которого для актера нет ничего на свете. Захаровой вручили кусочек от сцены — маленький деревянный брусок с автографами друзей по искусству. Она бережно взяла его в руки, потом крепко прижала к груди и держала так, у самого сердца, даже после того, как закончилась официальная церемония и прозвучали идушие от сцены слова ее искренней признательности и благодарности.

Собственно, она и не могла бы вести себя иначе. Те, кому довелось хоть раз побывать на творческих встречах актрисы со зрителями, или просто беседовать с ней о ее работе, непременно ловили себя на мысли, что слово Театр для Захаровой не только пишется, но и произносится с большой буквы. Он — не просто ее призвание, любимое дело. Он — смысл, сущность всей жизни.

Уже первые роли, сыгранные на свердловской сцене в далеком теперь 1953 году, ни у кого не оставили на сей счет никаких сомнений. В любом спектакле она играла с редкой самоотдачей, так, как будто бы он был последним в ее актерском бытии.

Это вовсе не значит, что Захарова с первых же шагов не знала неудач, что все у нее получалось одинаково хорошо. В искусстве, перефразируя известное высказывание о науке, «нет гладкой столбовой дорожки». Надо иметь ой какой характер, чтобы карабкаться по творческим кручам. И такой бойцовский упрямый характер у актрисы есть. Еще в вахтанговском училище имени Б. В. Шуккина ее научили идти навстречу трудностям. Потому что театр, судьба того или иного героя — это не просто сложный и яркий внутренний мир, кото-

рый надо раскрыть. Это еще и оружие в борьбе за высокое, светлое, доброе, вечное в людях, в нашем с вами «большом человеческом общечеловечестве».

Лишь поначалу галерея сценических образов, созданных Захаровой, кажется калейдоскопически пестрой. Валька в «Иркутской истории» и Наталья в «Трех сестрах», донья Инес в комедии «Дон Хиль — Зеленые штаны» и Лена в «Золотопромышленниках», Анечка в «Океане» и Варя в «Поднятой целине», Нюра в спектакле «В день свадьбы» и Шеметова во «Встречах поздних и ранних»... Сезон за сезоном увеличивал список работ самых несхожих, подчас полярных. Трагическая Лейда в пьесе «Орфей спускается в ад» и хитрющая, кокетливая Лиса в «Красной шапочке», выжившая из ума, кликушествовавшая старая барыня в «Грозе» и трагикомическая, по своему несчастная и добрая Меланья в «Детях солнца»...

Уже сам по себе этот далеко не полный перечень героинь достаточно красноречиво говорит о степени природной одаренности актрисы, широте и разнообразии слагаемых ее мастерства. Но дело не только в этом. Вдумываясь в прожитые исполнительницей судьбы, вспоминая, какой эмоциональный отклик подавляющее большинство из них находило в зрительном зале, постепенно открываешь и некую единую, очень важную тему, которой постоянно озвучено творческое «я» одной из ведущих представительниц талантливого актерского цеха Свердловского драмтеатра. И ее особый подход к сценическому раскрытию этой «своей», близкой и дорогой темы.

И тут нельзя не вспомнить о «вахтанговской школе», которую в свое время прошла актриса. О трех сезонах, проведенных перед приглашением на Урал в Московском театре сатиры... Исповедуя принципы наступательного, активно вторгающегося в жизнь искусства, и вахтанговцы, и воспитанники главного режиссера Московского театра сатиры В. Плученко считают, что современной сцене мало только психологической правды и бытовой достоверности. Желанного творческого успеха не достичь без заостренности, эксцентрично-

сти красок, импровизационности, подчеркнутой злободневности общего замысла спектакля и каждой роли.

В этом смысле Захарова всегда стремится быть верной заветам своих учителей. Лучшие ее работы всегда в чем-то неожиданны. Трагическое и веселое, возвышенное и земное, лирическое и сатирически броское — все берется на вооружение ради того, чтобы утвердить, укрепить в зрительном зале веру в непреходящую ценность многих и многих общественных и нравственных категорий, активно поспорить с теми, кто хотя бы на секунду позволил себе усомниться в благородстве, любви, человеческом бескорыстии и отзывчивости.

Принципиально важными в связи с этим мне кажутся эталонные работы актрисы, созданные за последние несколько лет. Своеобразной «точкой отсчета» здесь стало участие Захаровой в широко известной комедии Рязанова и Брагинского «Служивцы». Помните, она играла в нем начальницу некоего «статистического учреждения» Людмилу Прокофьевну Калугину — грубоватую женщину, своего рода современный вариант «человека в футляре».

Захаровой хотелось зло посмеяться над зримыми симптомами заболевания, имя которому «бюрократизм». Но ведь «злодеяния» не рождаются. Что же заставило Калугину стать, как говорят о ней «служивцы», «мымрой».

Актриса нашла в биографии главной героини комедии ключ к разгадке. Людмила Прокофьевна однажды «проговаривается» о личной драме, о мужчине, который ухаживал за ней, а женился... на ее подруге. И тогда, желая спрятать от других свое горе, свою ранимость, Калугина надела на себя «футляр» сугубо деловой женщины со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Надо признаться, «мундир начальницы» частично был для героини Захаровой тесен. И мы от души смеялись над Людмилой Прокофьевной, и радовались, когда она, наконец, решительно сбрасывала его, окрыленная, как девчонка, любовью к «непутевому» Новосельцеву.

Подобное сбрасывание масок происходило и в другом спектакле — венгерской комедии «Игра с кошкой», на кото-

рую свердловчане тоже ходили потому, что в нем играла Елена Захарова. Только на этот раз маску с Эржи — женщины чудаковатой, вечно попадающей в какие-то истории, пожалуй, снимали мы сами. Ибо от эпизода к эпизоду актриса заставляла нас открывать в Эржи, ее ворчании по поводу грубостей продавца в магазине, других житейских неурядиц — искреннее неравнодушие к жизни, к судьбам других людей, за которых, конечно же, она, Эржи, обязана заступиться.

Что поделаешь, уж так она устроена, уж такое у нее беспокойное и любвеобильное сердце! Вот почему именно Эржи помогла вернуться с чужбины на родину своей сестре Гизе. Вот почему не состоялась ее самоубийство после «измены» Виктора... Как тут умереть, когда вокруг столько людей нуждаются в твоей помощи, сочувствии, любви!

Мне довелось видеть Захарову после спектакля «Игра с кошкой». Она шла в гримбурную уставшая, казалось, вот-вот от изнеможения обопрется на стенку. Так бывает всегда, когда актер отдает себя роли целиком, без остатка.

А такие актеры имеют право на то, чтобы театр в своем творчестве ставил спектакли специально на них. И тут нельзя не пожалеть о случившейся иногда «неравномерности» в загруженности Захаровой, да и некоторых других мастеров теперь уже старшего поколения свердловской драмы.

Впрочем, у Захаровой характер упрямый и деятельный. С радостью я узнал, например, о том, что она взялась сама подготовить студийную работу по одному из рассказов П. Ильяна. Не назову какого, чтобы «не сглазить». Давайте потерпим до премьеры!

Л. МАКОВКИН.

На снимке: народная артистка РСФСР Е. ЗАХАРОВА. Фото Ю. Поднидышева.

Уральский рабочий
г. Свердловск

22 НОЯ 1980